

Глава 23.1. Брачная ночь! Нужно пахать изо всех сил...

О двух сыновьях тётушки У и говорить не приходилось: по приказу матери, с чувством долга, они обязаны были как следует напоить Шэнь Да-лана до одурения. Кроме них, подходили и многие парни из самой деревни Сюхэ. Шэнь Юньчжоу их даже не знал, но они шли один за другим.

С тех пор как Цзян Нину исполнилось тринадцать-четырнадцать лет, семьи с предложениями о браке не переставали приходиться к их дому. Тогда положение семьи Цзян уже улучшилось, и хотя до нынешнего достатка им было ещё далеко, в самой деревне нашлось немало желающих.

Вот только требования у семьи Цзян и у самого Цзян Нина были высокими. Они никому не ответили согласием.

А теперь, увидев, что Цзян Нин выходит замуж за бедного парня из чужой деревни, многие ощутили неприятную кислинку в душе. Разве можно упустить такой радостный день и не напоить как следует этого Шэнь Да-лана?

Пусть древнее вино и было слабым, но против такой напорной атаки гостей не устоишь. В итоге, Шэнь Юньчжоу выпил столько, что его живот уже раздуло. Он один пришёл в деревню Сюхэ, у него не было ни родни, ни друзей, чтобы прикрыть его от выпивки.

Впрочем, Шэнь Юньчжоу не слишком-то возражал против вина. Разве что оно мешало ему есть... Во-первых, на пиру подавали вино, которое он сам привёз в качестве части выкупа: жена лекаря Сюя тщательно выбрала его для него, качество напитка оказалось хорошим, на вкус оно напоминало сладкий рисовый настой.

Во-вторых, этот брак он принял не по своей воле, а вынужденно. Пусть брак и фиктивный, он всё равно навевал на него печаль, будто он лишился своей «чистоты». И чем больше он пил, тем явственнее это становилось похоже на попытку утопить тоску в вине.

В конце концов Цзян Ань и Цзян Дин не выдержали: их младшему брату сегодня ещё в брачные покои идти! Что это будет, если он напьётся и размякнет, как тряпка? Как тогда он сможет удовлетворить их младшего брата-гера? Они поспешно заслонили Шэнь Юньчжоу собой:

— Давай, давай, со мной пей!

Цзян Дин закатал рукава, а Цзян Ань поддержал Шэнь Юньчжоу сбоку.

Деревенские парни, увидев действия Цзян Дина, немного поутихли. Третий сын семьи Цзян славился в деревне своей стойкостью к вину, так что им его не перепить.

Но даже так Шэнь Юньчжоу уже слегка захмелел. Он почти ничего не ел, пил на пустой желудок, и ему было не по себе. К тому же вино казалось слабым, но неожиданно давало заметное послевкусие.

Цзян Ань и Цзян Дин поручили нескольким близким приятелям принимать гостей, а сами отвели Шэнь Юньчжоу на задний двор, где его и вырвало. Вскоре Цзян Дин принёс поднос с чем-то.

Шэнь Юньчжоу решил, что это похмельный отвар или каша, но перед ним оказались чистая вода, зубной порошок и зубная щётка. Цзян Дин подтолкнул его:

— Быстро прополощи рот и зубы почисть.

Его только что вырвало! А вдруг он потом целоваться придётся?!

В брачную ночь нельзя портить настроение!

Шэнь Юньчжоу: «...?»

Вы, люди древности, настолько следите за гигиеной?

Спустя время Шэнь Юньчжоу сел за стол с пустым желудком, когда Цзян Нин в комнате уже во всю уплетал блюда. Он переоделся, сняв свадебное платье, и распустил волосы. Стояла жара. За день он почти не бегал, но у него всё равно выступил лёгкий пот, и пряди у кожи стали немного влажными.

Эх, готовил целый день наряд и показал его всё лишь на короткое мгновение. Свадьба и правда выматывает... Цзян Нин долго колебался перед зеркалом и в итоге не стал стирать цветочный узор на лбу.

А вдруг, как говорила Ли Цзяоэр, Шэнь Да-лану он понравится...

Цзян Нин переоделся в светло-зелёную летнюю одежду из тонкого полотна с короткими рукавами. Штаны были широкими, с разрезами по бокам, доходящими прямо до колен. Это была не ночная одежда, а обычный для того времени летний наряд, открывавший белые нежные руки и голени.

Когда жаркая духота от пота постепенно рассеялась, Цзян Нин, освежённый, сел у стола.

Тушёный таро разварился до мягкости, пропитался ароматом сушёных гребешков, мелких креветок и вяленой рыбы, да ещё сохранял собственную лёгкую сладость — один его кусок был вкуснее мяса. Суп из морских водорослей с яичной лапшой и сушёной креветочной крошкой был слегка солоноват, поэтому в него добавили пару капель кунжутного масла и он стал очень ароматным.

Цзян Нин ел с удовольствием. Пусть приготовлено всё было чуть хуже, чем он сам сделал бы, но это ведь еда, которую можно получить без труда! Кто же от неё откажется?

Такое удовлетворение.

Он подпёр подбородок рукой и прислушался к шуму во дворе — пир подходил к концу.

Скоро брачные свечи и первая ночь... наверное, удовлетворение станет ещё сильнее.

На лице Цзян Нина проступил лёгкий румянец. Он поднялся и немного порылся на дне сундука с приданым, достал маленький флакон и тонкую книжицу.

Всё это прошлой ночью тайком сунула ему Фэн Гуйчжи, да ещё и долго объясняла всякие секреты брачной близости. Цзян Нин поставил фарфоровый флакончик на столик у изголовья, но тут же почувствовал неловкость, будто он слишком торопится... и вместо этого спрятал его под подушку.

Ах, хотя он давно этого ждал, но, когда дело дошло до самого момента, ему стало немного стыдно.

Он сел на кровать и долго перелистывал тонкую книжицу. Рисунки были там не слишком откровенные, обычные обучающие позы. Всё-таки они предназначались для только что вышедшего замуж гера.

В прошлой жизни Цзян Нин видел множество комиксов, причём куда более распущенных. На их фоне эта книжка выглядела даже сдержанной. На одной странице оба человека вообще оказались полностью одеты, только на муже были штаны с разрезом... Внизу пояснялось: если молодые супруги до свадьбы не встречались и стесняются обнажаться, можно заниматься этим прямо в одежде...

Какая находчивость, какая заботливость...

Цзян Нин прикрыл всё более горячее лицо ладонью и смотрел на грубую книжицу сквозь пальцы. Фигуры на рисунках постепенно превращались в него самого и Шэнь Да-лана. От этого становилось ещё жарче...

Когда он внимательно просмотрел книжицу дважды, пир снаружи как раз закончился, а голоса снаружи стихли. Лишь изредка до него доносились звуки людей, занимавшихся уборкой. Ещё примерно через четверть часа Цзян Дин постучал в дверь:

— Нин-гер!

Дверь открылась. Цзян Ань и Цзян Дин, поддерживая Шэнь Юньчжоу, буквально впихнули его в комнату.

— Выпил немного лишнего... но мы с братом дали ему отрезвляющего отвара и помогли умыться.

Увидев, как Цзян Нин поддержал Шэнь Юньчжоу за руку, Цзян Дин подмигнул:

— Отдыхайте. Тех деревенских шалопаев мы с братом всех разогнали.

Желающих подслушать у стены и пошуметь у брачного покоя было немало, но они с братом выгнали их со двора, словно кур.

Никто не должен мешать важному делу их младшего брата!

Цзян Нин украдкой поднял большой палец, показывая Цзян Дину знак одобрения, и быстро закрыл дверь.

Теперь в комнате остались только молодожёны, молча смотрящие друг на друга. Рука Шэнь Юньчжоу всё ещё была в ладонях Цзян Нина. Почувствовав на руке прохладное гладкое прикосновение, он поспешно отдернул её и отступил на полшага.

Но вино оказалось сильным, поэтому голова у Шэнь Юньчжоу закружилась. Он снова посмотрел на Цзян Нина и ошеломлённо подумал:

небо... почему этот гер так одет?

Разве это не древние времена? Разве люди древности не должны быть сдержанными? Почему у этого гера руки и ноги открыты, а вся кожа белеет на виду?

У Шэнь Юньчжоу и так уже кружилась голова, а теперь всё поплыло ещё сильнее. Он покачнулся и поспешно схватился за стол.

— Муж! — увидев, что он едва не упал, Цзян Нин тут же подошёл поддержать его. Маленькие ладони скользнули по его руке и в итоге легли на полы одежды Шэнь Юньчжоу.

На Шэнь Юньчжоу всё ещё был свадебный наряд. Цзян Нин опустил голову, голос его стал тихим. Сдерживая смущение, ловкие пальцы несколькими движениями ослабили пояс:

— Муж... тебе жарко? Я помогу тебе снять одежду...

Два слова «муж» так закружили Шэнь Юньчжоу голову, что он едва понимал, где находится. Под действием вина, лицо стоящего перед ним человека постоянно накладывалось на образ старшекурсника из его памяти. Шэнь Юньчжоу совсем потерял ощущение реальности.

Лишь когда он почувствовал, как мягкие ладони скользят по его мышцам, а перед глазами мелькают белоснежные руки, от которых даже в глазах резало, он резко пришёл в себя.

Шэнь Юньчжоу поспешно схватился за полы одежды, прикрывая грудь, и, резко отступив на несколько шагов, вскрикнул:

— Что ты делаешь?!

Цзян Нин замер. Такая реакция... какая-то странная. Почему он ведёт себя как смущённая барышня, к которой пристают?

Неужели, напившись, он даже забыл, что сегодня у него свадьба?

Цзян Нин не стал сразу приближаться, а остался стоять на месте, широко распахнув невинные глаза, пытаясь пробудить у Шэнь Юньчжоу память:

— Муж... сегодня наша брачная ночь. Что же ещё мы можем делать?..

Он не подходил, но один конец пояса Шэнь Юньчжоу всё ещё оставался в руках Цзян Нина, связывая их двоих. Цзян Нин слегка встряхнул запястьем и пояс тут же выскользнул. Одежда древности и без того была свободной, поэтому Шэнь Юньчжоу вдруг почувствовал, что его штаны вот-вот спадут!

А-а-а-а!

Шэнь Юньчжоу запаниковал. Что происходит? Он продаёт талант, а не тело! Разве ему не говорили, что брак будет фиктивным? В растерянности он вцепился в пояс штанов. Все странности сегодняшнего дня, наконец, медленно сошлись в его затуманенной вином голове.

Сложные свадебные обряды, плач Цзян Шуйшэна, вода для чистки зубов, которую принёс Цзян Дин...

Похоже... его обманули...

— Тётушка У разве не объяснила тебе всё? — испуганно сказал Шэнь Юньчжоу. — Я лишь помогаю тебе избежать принуждения к браку с тем управляющим Ваном, просто для вида. Я не собирался по-настоящему жениться. У меня есть человек, которого я люблю. Я не могу его предать!

— ??? — Цзян Нин застыл.

В десяти ли отсюда.

Тётушка У, не дожидаясь конца пира, уже нашла отца и мать Цзян, получила остаток вознаграждения и теперь вместе с семьёй ехала в повозке в Бяньчжоу.

Пересчитывая деньги за сватовство, она сияла от радости: семья Цзян и правда щедра! Не зря она потратила столько сил и устроила свадьбу достойно!

«Я и правда лучшая сваха во всей округе. Такой крепкий орешек, да ещё сразу два, а я всё-таки их свела!» — тётушка У самодовольно радовалась, но, радуясь, всё же оставалась осторожной:

— Поедем сперва к вашей третьей тётке в Бяньчжоу, переждём несколько дней. Нин-геру ведь хватит и полмесяца, чтобы окончательно прибрать его к рукам... Ай!

Цзян Нин был не дурак. Стоило Шэнь Юньчжоу это сказать, как он мгновенно понял, что тётушка У его подставила. Этот Шэнь Да-лан вовсе не хотел на нём жениться... кто знает, какие сказки она ему наговорила или какие выгоды пообещала, но человека просто заманили к нему.

Более того, она обманула обе стороны! Судя по виду Шэнь Да-лана, тот считал, что договорился о фиктивном браке. А на самом деле Цзян Нин об этом даже не подозревал и всё ещё ожидал брачной ночи!

Цзян Нин едва не рассмеялся от злости. Он, Цзян Нин — самый желанный гер во всей округе, первый красавец деревни Сюэхэ! Ему что, нужен фиктивный брак? Он настолько нуждается в мужчине??

...Ладно, нуждается.

Но это вовсе не значит, что ему нужен фиктивный брак! У этого Шэнь Да-лана ещё и есть возлюбленный, а он тут только что... чуть ли не принуждал порядочного человека!

Цзян Нин раздражённо кипел. Он и раньше знал, что свахи редко говорят правду. Ради удачного сватовства и вознаграждения они готовы на любые уловки: то хромого посадят на лошадь, чтобы скрыть недостаток, то человеку с изъяном на лице дадут цветок прикрыться. В общем, хитрости были неисчислимы.

Но он всегда считал, что тётушка У всё же не из тех, у кого совсем нет совести, да и с их семьёй она знакома, не станет же она применять такие трюки к ним самим... Ах, как же он ошибся!

— Чёрт-чёрт-чёрт-чёрт... — чем больше Цзян Нин об этом думал, тем сильнее злился. Хотелось прямо сейчас ворваться в дом тётушки У и отобрать обратно деньги за сватовство. Так его подставить... и ещё смеет брать за это деньги!!

Однако, глядя на Шэнь Юньчжоу, он вдруг почувствовал сомнение.

Если тот действительно не хотел жениться, всего лишь играл роль и у него есть возлюбленный, тогда зачем он постоянно приходил к нему, приносил подарки и ещё приготовил столь приличное приданое?

Эти подарки стоили недёшево. Сколько бы семья Цзян ни заплатила свахе, двадцати связок монет там точно не было. Ради спектакля тратить столько?

С потемневшим лицом Цзян Нин спросил:

— Раз у тебя есть возлюбленный, зачем ты вообще согласился на этот брак? Даже если это игра, свадьба ведь настоящая! Брачную запись и регистрацию нужно вносить в управу. Твой возлюбленный согласился бы на такое?

Неужели тётушка У пообещала ему что-то вроде «приданое можно тратить как хочешь», «после развода получишь компенсацию»? Или... он вообще в сговоре с ней?

Даже не думай! Лицо Цзян Нина потемнело ещё сильнее, почти как дно котла. Обмануть его чувства — ещё ладно, но обмануть его деньги — это почти как лишить жизни! Ведь всё это они заработали сами: сначала тяжёлым трудом, потом было чуть легче, но каждая медная монета пропитана потом и усилиями их семьи!

...Хотя и про чувства тоже нельзя сказать, что... Ах, как же он зол!!!

Стоило упомянуть про возлюбленного, как Шэнь Юньчжоу на мгновение застыл, а затем вдруг снова разрыдался.

Цзян Нин: «???»

Чёрт, в брачную ночь такая ерунда случилась... я даже не плачу, а ты чего ревёшь?!

Возможно, из-за вина, да ещё и потому, что лицо Цзян Нина было похоже на лицо того старшекурсника, Шэнь Юньчжоу рыдал ещё сильнее, чем тогда у тётушки У:

— У-у-у... мой возлюбленный... он умер... у-у-у-у...

— ... — Цзян Нин раскрыл рот и не нашёлся, что сказать.

Шэнь Юньчжоу плакал по-настоящему горько, его слёзы капали одна за другой. Сердце Цзян Нина чуть-чуть смягчилось, а злость немного угасла. Но он всё равно был недоволен этой нелепицей и, нахмурившись, сказал:

— Если ты такой преданный, зачем тогда каждый день приходил ко мне с подарками? И краснел при виде меня? Это тоже было частью спектакля, о котором вы с тётушкой У договорились?

Шэнь Юньчжоу всхлипнул. После плача голова у него окончательно поплыла, а опьянение усилилось. Когда Цзян Нин прямо указал на это, ему стало максимально неловко... ведь стоило ему увидеть этого гера из семьи Цзян, как его сердце начинало колотиться, мозг отключался, и он уже не мог связно говорить.

Ему самому от этого было тяжело, ясно? Он такой подлец, у-у-у... словно уже почти изменил душой.

Но раз Цзян Нин спросил, Шэнь Юньчжоу всё же послушно ответил:

— Ты очень похож на моего возлюбленного... и выражением лица тоже немного... нет, сейчас, когда ты переменялся в лице, ещё больше на него похож...

Раньше, в том числе когда он только вошёл в брачный покой, этот гер из семьи Цзян смотрел на него застенчиво и мягко.

Старшекурсник так не смотрел бы. Но теперь, когда всё прояснилось и они словно поссорились, этот гер выглядел чуть суровее... и стал ещё больше напоминать его друга.

Хотя тот вовсе не был строгим... он ведь занимался бизнесом, всегда встречал людей с улыбкой.

Но почему-то эта живая мимика всё сильнее казалась Шэнь Юньчжоу похожей на него.

Голова у Шэнь Юньчжоу окончательно закружилась.

Цзян Нин наблюдал, как тот постепенно превращается в пьяного, а затем начинает бормотать:

— Кажется, я, возможно, принял тебя за старшекурсника... Я не подлец, как я могу полюбить другого... я не могу искать замену, это неправильно... Ваньвань похож на тебя»... Ваньвань похож на тебя... это аморально! Искать замену плохо... потом один рогатый колпак за другим... у-у-у...

Цзян Нин: «???»

Что это вообще было? Что за странные слова он сейчас сказал?

«Ваньвань похож на тебя»???

Цзян Нин растерялся. Пусть в прошлой жизни он почти всё время подрабатывал и учился, но кое-какие популярные сериалы всё же видел. В школьной столовой висел телевизор, там крутили новости, передачи вроде «Сегодняшнее право», «Мир животных», «Лекции ста школ»... А когда вечером столовую закрывали и студентов уже не пускали, сотрудники могли переключать на любимые каналы.

Несколько тётушек, которые мыли посуду вместе с Цзян Нином, обожали один особенно популярный сериал. Они смотрели его снова и снова, каждый день, пока мыли посуду, и вовсе не уставали.

Поэтому Цзян Нин был вынужден вместе с ними, перемывая тарелки, посмотреть его несколько раз.

Он посмотрел на Шэнь Юньчжоу, который, обняв колени, свернулся на полу, словно замкнутый гриб, и время от времени всхлипывал.

Твою мать... неужели он земляк?

Цзян Нин заметил, что сегодня он слишком часто говорит плохие слова. Наверное, из-за обиды, что в брачную ночь его так и не... кхм.

Он даже успел отвлечённо подумать: неудивительно, что Шэнь Да-лану удалось выкопать женьшень. Выходит, он действительно переселенец...

Эй? Нет, подожди. В голове Цзян Нина словно сошлись какие-то ниточки. Земляк, старшекурсник? Возлюбленный Шэнь Да-лана очень похож на него?

Он потрогал своё лицо. Неужели такое совпадение возможно?

Если бы он не знал, что они земляки, можно было бы списать на случайное сходство — редкость, но бывает. Но раз они оба из одного мира... неужели тот самый старшекурсник, которого он любил, — это он сам?

<http://bllate.org/book/17138/1607265>